

Научная статья
УДК 81'42: 398
doi: 10.17223/19986645/92/6

Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях

Инна Витальевна Тубалова¹, Ахмед Ибрагим Салми^{2,3}

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

³ *Айн Шамский университет, Каир, Египет*

¹ *tina09@inbox.ru*

^{2,3} *ahmed.i.salem.90@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается специфика функционирования вербальных кодов культуры – растительного, зоологического и вещного – в русских пословицах о социальных отношениях. В результате выявляется, что функции этих кодов различаются. Каждый из них ориентирован на интерпретацию социальных отношений определенного типа; единицы каждого кода устанавливают связь с разными аспектами социальных отношений: с их участниками или с инструментами их взаимодействия; в семантике актуализируются кодовые смыслы разного уровня – общекультурного или жанрового.

Ключевые слова: вербальные коды культуры, социальные отношения, пословица

Для цитирования: Тубалова И.В., Салми А.И. Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 112–132. doi: 10.17223/19986645/92/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/92/6

Verbal codes of culture in proverbs about social relations

Inna V. Tubalova¹, Ahmed Ibrahim Salmi^{2,3}

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Ain Shams University, Cairo, Egypt*

¹ *tina09@inbox.ru*

^{2,3} *ahmed.i.salem.90@gmail.com*

Abstract. The aim of this article is to identify the specifics of using various verbal codes of culture (plant, zoological and material) when transmitting the norms of social relations in Russian proverbs. The empirical material consisted of 544 proverbs about social relations with units of the codes selected from three collections of proverbs. At the first stage, proverbs were selected that met two conditions: (1) they interpret relations between members of society at the level of deep semantics; (2) they use in the text units of the plant, zoological and material codes, and fix the meaning of these units as

a component of their surface semantics. At the second stage, social relations interpreted in the selected proverbs were typified, and the quantitative ratio of proverbs using each code to interpret each type of social relations was established. At the third stage, the correlation of deep semantics and surface semantics of proverbs of each type was analyzed; the code functions of the units under consideration were determined; and, based on their generalization, the principles of implementation and functions of plant, zoological and material codes for the interpretation of each type of social relations were revealed. The conducted research allowed us to conclude that the functions of verbal codes of culture – plant, zoological and material – differ due to the peculiarities of their structural and content organization in the interpretation of social relations in a proverb.

1. Each of the considered types of the verbal code of culture is focused on the interpretation of social relations of a certain type, recorded in the deep semantics of proverbs: the plant code on the norms of "parents – children" relations, the zoological code on a wide range of relations; the material code on the "husband–wife" relations. 2. The surface semantics of units of various verbal codes of culture in the deep semantics of proverbs about social relations mainly establishes a connection with different aspects of these relations: mostly with their participants in units of the plant and zoological codes, and with the instruments of their interaction in units of the material code. 3. In the deep semantics of the analyzed proverbs, cultural meanings of different levels are more pronounced in the code semantics of nominations of plants/their parts, zoonyms and nominations of objects: the content of the genre subcode in units of plant and material codes, mostly general cultural semantics in units of the zoological code, but in proverbs of the same content types (fixing the norm of children's character traits "inheritance" from parents) zoonyms also belong to a special genre subcode that unites them with nominations of plants/their parts. 4. The most diverse is the semantics of proverbs about the social relations "husband–wife", presented with the help of the material code, since the basis for transmitting the norm in them is a wide range of functions of objects in human life and many of their physical properties.

Keywords: verbal codes of culture, social relations, proverb

For citation: Tubalova, I.V. & Salmy, A.I. (2024) Verbal codes of culture in proverbs about social relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 112–132. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/6

Цель данной статьи – выявить специфику использования различных вербальных кодов культуры – растительного, зоологического и вещного – при трансляции норм социальных отношений в русских пословицах.

Код культуры понимается как «формирующая определенный фрагмент образа мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и / или к одной сфере бытия» [1. С. 61]. В представленной дефиниции выражена установка на наличие двух параметров типологизации кодов культуры как системы синтеза знаков, подробно описанных в [2, 3]: на основании характера знаковой формы выражения культурных смыслов – «субстанционально разные наборы знаков» [3. С. 109] – и «на основе их значения независимо от субстанции самих знаков» [3. С. 109] (растительный, зоологический, пищевой и под.).

Вербальный код в рамках этой логики определяется как один из кодов культуры, дифференцированный на субстанциональном основании [3. С. 112] и противопоставленный в этом аспекте предметному, акциональному, изобразительному и под. Среди разных типов культурных кодов, дифференцированных на субстанциональном основании, вербальный код культуры занимает особую позицию в силу того, что «языковые единицы (слова, словосочетания) в контексте культуры часто обладают, помимо общеязыковых значений, еще и культурной семантикой» [3. С. 110].

Двухуровневая организация семантики вербальных единиц разного типа описана исследователями достаточно подробно. Концепция двухуровневой организации текстовой семантики (поверхностной и глубинной) ([4, 5] и др.) предполагает, что содержание текста формируется в результате интеграции «горизонтальной» соотнесенности семантики его отдельных единиц и их «вертикальной» соотнесенности, «т. е. в сложной и глубокой перспективе целого текста в соответствии с его концептуальной заданностью» [4. С. 364].

В фокусе внимания представляемого исследования – двухуровневая семантика пословицы как жанровой формы фольклорного дискурса, одной из важнейших функций которого является социальное регулирование, основанное на фиксации в его текстах национально-культурной ценностной картины мира и трансляции национальной ценностной системы при их использовании в речевом процессе (исполнении) [6–8].

Жанровая цель пословицы – «фиксация коллективных ценностей, заданных традицией, в лаконичной, эстетически значимой форме, обеспечивающей ее комфортное включение в нефольклорный речевой процесс» [9. С. 226] – определяет ее прямую направленность на реализацию цели фольклорного дискурса – «передачу коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [10. С. 33].

Одним из инструментов трансляции национальных ценностей является обращение к национально-культурным кодовым смыслам. Фиксация национальных ценностей в фольклорном высказывании основана на взаимодействии кода естественного языка с кодом культуры, и в результате этого взаимодействия вербальные знаки наряду с собственно языковым получают еще и особое – культурно-кодовое – значение [3, 11, 12], «причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [12. С. 42].

Данная особенность смыслообразования в фольклорном высказывании уже достаточно давно является для фольклористов очевидной (см. работы Е.Б. Артеменко, Г.И. Мальцева, С.Е. Никитиной, А.Т. Хроленко и др.): «...многие слова языка фольклора живут “двойной жизнью”: как обозначения составляющих вещного мира и как знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [7. С. 171]. Если поверхностная семантика (ПС) фольклорного высказывания формируется как «горизонтально» соотнесенная совокупность языковых значений его единиц, то его глубинная семантика (ГС)

определяется не только их «вертикальной» соотнесенностью с конкретным текстом, но и широким контекстом фоновых знаний, обеспеченных традицией¹: «...знание традиции невозможно свести к “коллекции текстов”. <...> Чтобы понять смысл сообщения вообще и исполняемого фольклорного произведения в частности, нужно знать гораздо больше того, что заключено в поверхностной структуре текста; к тому же из сообщения или его фрагмента извлекается информация, значительно превосходящая ту, которую можно извлечь чисто лингвистическим путем. <...> Во-вторых, сюда относится культурно-языковая картина мира и мифопоэтическая модель мира определенного жанра» [14. С. 34–35].

Вербальный код культуры, как и любой из субстанционально специфических ее кодов, может быть представлен в разнообразии его содержательных типов.

В основе разных по содержательному основанию культурных кодов лежат различные комплексы чувственно воспринимаемых реалий действительности – разные фрагменты окружающего мира (Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, С.М. Толстая и др.), свойства которых ложатся в основу формирования культурных смыслов, но не всегда являются очевидными при их использовании. Представляя перечень кодов культуры, исследователи различным образом устанавливают их границы, так как, несмотря на их универсальность, «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [15. С. 232]. Так, В.Н. Телия выделяет следующие коды культуры: антропный, или человеческий; зооморфный, растительный, природный, артефактивно-вещный, вещно-костюмный, гастрономический, архитектурный, духовный, или религиозно-антропоморфный, религиозно-артефактивный, временной (или темпоральный), пространственный; количественный, цветовой; телесный (или соматический) [16. С. 756].

Объектом настоящей работы являются русские пословицы, интерпретирующие отношения между людьми в социуме при использовании лексических единиц растительного, зоологического и вещного кодов.

Структурно-смысловая организация и особенности функционирования этих кодов достаточно регулярно становятся объектом исследовательского внимания. Так, результаты анализа (в частности, вербальных репрезентантов) растительного кода представлены в [17–20], зоологического – в [21–25], вещного – в [1, 26, 27].

Отметим наличие отдельной содержательной фокусировки на функционировании рассматриваемых кодов культуры в определенных фольклорных жанрах, в частности в пословице определенного содержательного типа [17, 28, 29].

¹ Подробно о понятиях «поверхностная семантика» и «глубинная семантика» применительно к фольклорному тексту см., например, работу [13].

Предмет настоящего исследования – специфика реализации и функции вербальных кодов культуры при трансляции нормативно-ценностных смыслов в пословицах определенных содержательных групп, в частности в русских пословицах о социальных отношениях.

Согласно социологической концепции Р. Линтона типовые отношения между представителями социума определяются социальным статусом их участников [30, 31] – «характеристикой социальной позиции в данной социальной системе координат» [31. С. 460], где социальная позиция предполагает «ожидание поведения, типичного для людей данного статуса в данном обществе» [31. С. 460], в том числе – регламентирует отношения между участниками этой системы.

Особое внимание обращается на то, что в упорядочивании и организации совместной деятельности индивидов ведущую роль играют нормативные образцы, ценности и идеалы культуры: «...именно система культуры легитимирует, упорядочивает, нормирует действия индивидов, делает обоснование для оценки их как правильных или неправильных, соответствующих или не соответствующих действующим в обществе правилам и нормам» [30. С. 110] (см. об этом также [31. С. 465] и др.).

Примененная к анализу вербальных репрезентантов социального устройства традиционного общества, данная концепция позволила выявить и определить функции особых социальных позиций традиционной культуры [32, 33]: например: выявить наличие специфического социального статуса «знающего» в русской традиционной культуре [32], представить систему социальных статусов в традиционной алтайской культуре [33].

Функции вербальных кодов культуры при интерпретации социальных отношений в русской пословице, особенности реализации этих кодов в соответствии со спецификой жанровой интерпретации социальных норм ранее не исследовались.

Эмпирический материал составили 544 пословицы о социальных отношениях с единицами названных кодов, выбранных из сборников пословиц [34–36].

На первом этапе из указанных сборников были отобраны пословицы, отвечающие двум условиям: (1) на уровне глубинной семантики интерпретирующие отношения между членами социума; (2) использующие в тексте единицы рассматриваемых кодов – растительного, зоологического и вещного, соответственно, фиксирующие значение этих единиц в качестве компонента своей поверхностной семантики.

На втором этапе интерпретируемые в выбранных пословицах отношения были типизированы, установлено количественное соотношение пословиц, использующих для интерпретации каждого типа отношений каждый код (таблица).

На третьем этапе был проведен анализ соотношения ГС и ПС пословиц каждого типа, определены кодовые функции рассматриваемых единиц и на основании их обобщения выявлены принципы реализации и функции растительного, зоологического и вещного кодов для интерпретации каждого типа отношений.

**Распределение интерпретируемых типов социальных отношений
в пословицах по содержанию вербальных кодов культуры,
используемых при трансляции их ГС**

Тип социальных отношений	Тип вербального кода, интерпретирующего социальные отношения			Всего
	растительный	зоологический	вещный	
Родители – дети	81	58	16	155
Муж – жена	11	31	176	218
Другие семейные отношения (теща – зять, свекровь – невестка и др.)	2	22	2	26
Внесемейные отношения	3	131	11	145
ВСЕГО	97	242	205	544

Анализ материал показал, что в глубинной семантике пословиц, использующих в тексте единицы растительного, зоологического и вещного кодов, ценностно интерпретируются следующие типовые социальные отношения:

1. Семейные отношения: наиболее частотно – муж – жена; родители – дети; реже – другие родственные отношения (теща – зять, свекровь – невестка и др.).

2. Внесемейные отношения.

Распределение социальных статусов, интерпретируемых в пословице, регулируется целями жанрово ориентированного нормирования принципов существования традиционного общества, и все они, согласно социологической типологии, не являются официальными (т.е. внешне зафиксированными, например в документах), но обладают высоким уровнем конвенциональности за счет обосновывающей их фольклорной традиции.

Из этого следует, что характер социальных отношений, интерпретируемых в пословице, предьявляется особым образом.

В социологии на основании концепции Р. Линтона принято использовать базовое противопоставление двух типов социальных статусов – предписанных (аскриптивных) и достигаемых: «Первый зависит от врожденных или природных свойств личности (пола, расово-этнических признаков), второй есть результат трудовых и иных усилий самого человека, его профессиональных достижений, успехов в образовании, реализации способностей» [37. С. 449] (см. также [31. С. 462] и др.). При анализе современных социальных систем социальные статусы, аналогичные выделенным в пословице, определяются как достигаемые (муж, жена и др.) и предписанные (родители, дети и др.). Но рассматриваемый материал в силу обращенности к традиции предполагает предьявление всех фиксируемых социальных статусов и определяемых ими социальных отношений как аскриптивных (предписанных), что соответствует социологической концепции традиционного общества: «В традиционном обществе, для социальных институтов которого характерна аскриптивность, основные статусы общества имеют аскриптивный, наследуемый (а не достигаемый) характер» [31. С. 462].

Социальные отношения с точки зрения социологии регламентируются нормами данной культуры и могут получить оценку с точки зрения соответствия / не соответствия этим нормам, но содержание социального статуса является объективированным – оценочно нейтральным. В пословице в силу специфики жанра – его иносказательности, эстетической природы высказываний – социальные отношения могут интерпретироваться на основании оценки содержания самого социального статуса, причем как с позиции фольклорной нормы (*Куда б ворона ни полетела, везде она будет хуже сокола*), так и с позиции «партнера» по отношению (*Говорят, что тёща – ад, а тёща – это клад; Лучше камень долбить, нежели злую жену учить*).

Рассмотрим специфику реализации и функции каждого вербального кода в пословицах о социальных отношениях.

1. Единицами вербального **растительного кода** являются лексемы, обозначающие названия растений (*береза, осина, дуб* и др.) и их типов (*дерево, куст, трава, цветок* и др.), а также их частей (*корень, ветка, лист* и др.).

Растительный код является одним из «природных» кодов культуры (наряду с зоологическим). Исследователи фиксируют высокую активность обращения к нему при трансляции культурных смыслов [15, 18], обосновывая это тем, что человек воспринимает природу особым образом. Так, Ю.М. Лотман указывает на то, что «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство» [38. С. 44], и подчеркивает, что размытость этой границы «не только будет отделять человека от других внекультурных существ, но и будет проходить внутри человеческой психики и деятельности» [38. С. 44].

Несмотря на высокую востребованность растительного кода культурой в целом, в проанализированном материале пословицы, использующие его единицы, занимают самое скромное место (см. таблицу).

Количественный анализ показал, что абсолютное большинство пословиц о социальных отношениях с лексемами вербального растительного кода интерпретирует родственные отношения (94%), в том числе 83% – отношения между родителями и детьми, 11% – между мужем и женой. Таким образом, наиболее частотно при использовании растительного кода в пословице фиксируются нормы отношений, по своей структуре максимально близких к природным: природные (естественные) отношения между растениями и их частями, соответствующие вегетативному циклу, выдвигаются¹ в ПС пословиц и отсылают к ГС, интерпретирующей отношения членов социума, между которыми также имеется природная (естественная, «кровная») преемственная связь (родители – дети). Природная норма обосновывает, таким образом, норму социальную.

Рассмотрим, каким образом предъясняются нормы этих отношений.

¹ Под «выдвижением» (на основании концепции [38] и др.) понимается фокусировка внимания на определенных элементах содержания высказывания.

1.1. Наиболее частотно интерпретируются **отношения «родители – дети»**. Содержательно в пословицах о таких отношениях выделяются следующие группы.

1.1.1. Пословицы, устанавливающие **нормативность сходства** (не только и не столько внешнего) **детей с родителями**, «наследование» качеств характера на основании обращения к направленной природной связи между растением и плодами: (**Яблоко от яблони недалеко падает; Яблоня груши не родит; От доброго дерева добрый и плод**), а также между другими частями растения (**Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки; Каково семя, таково и племя; Какие корни, такие и отростки**).

Кодовые единицы, используемые в пословицах этой группы, не содержат в ПС компонентов, ориентирующих на установление нормы социальных отношений «дети – родители», ГС пословиц формируется за счет отсылки к реальным природным связям (например, **Какие корни, такие и отростки**: ПС – «состояние корня растения определяет состояние его отростков, которые из него «рождаются»», ГС – «дети перенимают черты родителей, у которых они «рождаются»»). Функция растительного кода – зафиксировать социальную норму на основании установления ее параллели с природной, маркируя тем самым особую «отделенность» человека от природы, позволяющую ему обращаться к ней как к источнику социального нормирования.

Отсылки к природным отношениям между растительными реалиями однотипны, что соответствует однотипности ГС пословиц такого типа. В связи с этим большинство пословиц состоит из одной части – фиксирующей на уровне ПС только природные отношения, воспринимаемые при посредстве типовой организации. Двучастные пословицы, фиксирующие параллелизм природных и социальных отношений (**Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки**), единичны.

Несмотря на то что пословицы этой группы чаще используются для негативнооценочной характеристики поведения младших членов семьи, реализуемые в них кодовые единицы не содержат в своей ГС оценочного компонента, а в прагматике он формируется за счет заданной традицией типовой организации связи ПС («плоды похожи на растения») и ГС («дети похожи на родителей **в их негативных качествах**»).

Исключение – пословицы с кодовой единицей *осина/осинка*: **От осины яблочко не родится; От осинки не родятся апельсинки** и под., где данная единица содержит в ГС негативнооценочный компонент, что подтверждается в пословицах других смысловых типов: **Ждучи лосины, наглодаться осины; Чтоб (ладило бы) тебя на осину** и под. В ГС пословиц с лексемой *осина*, интерпретирующих «наследование» детьми качеств своих родителей, реализуется не только отсылка к естественным, природным отношениям, но и негативная оценка этих качеств, зафиксированная в ГС данной

единицы на общекультурном уровне¹. Негативная кодовая семантика единицы *осина* дополняет общий негативнооценочный модус, но все же в большинстве – пословицы, использующие единицы растительного кода вне обращения к общекультурному кодовому смыслу.

1.1.2. Пословицы, фиксирующие **нормы отношения родителей к детям** (значимость наличия детей для родителей и/или нормы отношения к ним): *У кого детки, у того и ягодки*; *Дети, что цветы: уход любят*; *Дети как цветы: поливай, так будут расти*; *Без матушки родной и цветы не цветно цветут*; *Дочка ягодки ела, а у матери оскомины*.

Растительный код в пословицах данной группы, как и в предыдущем случае, фиксирует норму отношения родителей к детям на основании ее интерпретации как естественной, «природной»: цветок не может существовать без воды (*Дети как цветы: поливай, так будут расти*), ягоды могут иметь особый, в том числе неприятный, вкус (*Дочка ягодки ела, а у матери оскомины*) и т.д. Но транслируемая при использовании растительного кода семантика пословиц, интерпретирующих отношение родителей к детям, в сравнении с предыдущей группой более конкретна, с одной стороны, и более разнообразна – с другой.

Конкретизация семантики осуществляется на основании использования внутренней оценочной стратификации единиц растительного кода. В отличие от предыдущей группы такие пословицы включают единицы растительного кода с оформленной на уровне общекультурного вербального кода позитивнооценочной семантикой (подтвердим ее стабильность соответствием пословиц иной семантики: *На разливе пиво пьют, на разборе ягодки едят*; *Цветы тому не милы, у кого очи гнилы*; *Где цветок, там и медок* и др. (отметим, что общекультурные кодовые смыслы не противоречат «природным»: «цветы являются объектом эстетического удовольствия»; «цветок связан с производством меда» и под.). Позитивнооценочная кодовая семантика данных единиц определяет общее позитивное отношение родителей к детям как норму социальных отношений, транслируемое через их использование (*ягодки, цветы* – в отличие от, например, *осина*).

Разнообразие семантики пословиц, транслирующих нормы отношения родителей к детям при использовании единиц растительного кода, выражается в отсылке к разнотипным естественным качествам природных объектов и требует установления отношений между природными и социальными отношениями на уровне ПС пословиц. В связи с этим пословицы данной группы содержат в своей структуре компоненты, выражающие эти отношения, и синтаксические средства их связи (*Семья без детей, что цветок без запаха*; *У кого детки, у того и ягодки*; *Дети, что цветы*), а также конкретизирующие их нормативный статус (*уход любят*; *поливай, так будут расти*).

¹ То есть на уровне русского культурного кода в целом.

1.2. Использование единиц растительного кода в пословицах, фиксирующих **нормы отношений между мужем и женой** (*По себе дерево руби, по себе жену бери; Люби жену, как душу, а трясина ее, как грушу*), единично. Кроме того, их состав не позволяет установить единство семантики, основанной на специфике кодовой интерпретации природных растительных объектов. В связи с этим можно сделать вывод, что использование единиц растительного кода в таких пословицах определяется не общей функцией данного кода, а особенностями использования конкретных кодовых единиц.

2. **Зоологический код** в пословицах о социальных отношениях обладает наибольшей востребованностью из всех рассматриваемых (см. таблицу), что соответствует утверждению исследователей о том, что «важнейшей сферой применения зоологического кода являются представления, связанные с человеком» [22. С. 22], и «наделение животных человеческими чертами, мыслями и чувствами составляет сущность проективной функции животных» [23. С. 20], которая «проявляется в том, что животные являются символическим выражением собственного “Я”» [23. С. 20].

В отличие от растительного кода, используемого в основном при интерпретации семейных отношений (в первую очередь дети – родители), зоологический код привлекается в пословицах, характеризующих все зафиксированные в пословице типы социальных отношений. Широта использования единиц вербального зоологического кода определяется тем, что в их ГС на общекультурном уровне закреплены типовые оценочные характеристики человека, которые органично используются для обоснования и оценки типовых социальных отношений. Эти свойства зоологического кода регулярно отмечаются его исследователями. Так, А.В. Гура указывает на особенности использования зоонимов как кодовых единиц «для передачи физических свойств и особенностей характера человека, например: рус. *осел* ‘глупец’, *ворона* ‘ротозей, зевака’...» [22. С. 22] (см., например, также: «...группа названий животных отличается высокой продуктивностью образования оценочных номинаций – образных характеристик человека, дающих объемное представление о его внешних и внутренних качествах» [21. С. 73]). С указанным свойством единиц зоологического кода связано их другое свойство – непрямой характер связи ПС и ГС: если растительный код при фиксации нормы социальных отношений в пословице напрямую обращается к «природным» свойствам растительных объектов, то зоологический код либо обращается к ним опосредованно (например, при закреплении в кодовом значении единицы *волк* свойств хищника), либо практически не устанавливает очевидной связи (например, широко используемое кодовое значение единицы *лиса*, связываемой с хитростью). Кроме того, косвенным основанием для востребованности единиц зоологического кода при трансляции норм социальных отношений в пословице является стабилизация его единиц в виде пар, прямо реализующих кодовое содержание отношений между членами социума, например: *кошка – мышь*, *лиса – куры* ‘сильный – слабый’, *волк – собака* ‘взаимно агрессивные’ и др.

Охарактеризуем особенности представления пословицами с зоонимами социальных отношений, фиксируемых в них наиболее частотно; выявим кодовые функции зоонимов и способы трансляции ГС через их посредство.

2.1. В выявленном составе пословиц, характеризующих социальные отношения при использовании зоонимов как кодовых единиц, пословицы, представляющие нормы **отношений между мужем и женой**, составляют значительную, хотя и не самую объемную долю – 13% (см. таблицу).

Статусы мужа и жены в пословичных высказываниях прямо названы, а кодовые единицы в них используются для оценочной характеристики этого статуса, в большинстве – при помощи двоичных параллельных конструкций, характерных для данного жанра: *Птица крыльями сильна, жена мужем красна*; *Злая жена – та же змея*; *Кто кошке любит, будет жене любить* (например, в пословице *Злая жена – та же змея* характеризуется норма содержания статуса жены (должна быть «доброй» по отношению к мужу) через представление несоответствия этой норме, выраженное в отсылке к семантике зоонима змея, зафиксированной на уровне общекультурного кода (ср.: *Скинула кожу змея, а яд при ней остался*; *Хоть змея и в новой коже, да сердце у нее все то же* и др.¹)).

2.1.1. В большинстве нормативной интерпретации в перспективе характеристики отношений подвергается один из парных статусов, причем в пословице фиксируется **идеал мужа/жены** как прямо (*Красна пава пером, а жена – нравом*; *На что корова – была бы жена здорова*; *Доброй жене по тихой воде лебедью плыть – воды не замутить*), так и «от противного» – негативная оценка ложного идеала (*Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит*; *Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога*; *Отобьешься от черта – крестом, от свиньи – пестом, а от злой жены – ни крестом, ни пестом*). В пословицах такого типа интерпретация отношений между мужем и женой основывается на общекультурной кодовой семантике зоонимов – позитивной (*пава, корова, лебедь*) или негативной (*червь, коза, свинья*).

2.1.2. **Функциональное распределение** статусов в одном пословичном высказывании фиксируется значительно реже: *Муж – за волками, а жена – за молодцами*; *Муж без жены – что конь без узды*; *Мужик да собака на дворе, баба да кошка в избе*. В таких пословицах интерпретация отношений между мужем и женой также основывается на общекультурной кодовой семантике зоонимов, но выдвигается не оценочный компонент этой семантики, а функциональный (*волк* – связь с пребыванием вне дома, *конь* – «неконтролируемая активность», *кошка* – связь с семейной гармонией и под.).

2.2. Социальные **отношения родители – дети** также более активно интерпретируются при использовании зоонимов (24% пословиц такого типа – см. таблицу).

¹ См. также указание на преимущественно негативные характеристики в символике змеи как женского персонажа в [22].

Статусы родителей (отец и мать) и детей либо также прямо названы (*Мать хвалит дитя, а свинья – поросенка*), либо косвенно выражены особым образом: в использовании (1) парных номинаций животного и его детеныша (*И ворона воронят хвалит*); (2) предикатов и предложно-предикатных конструкций, устанавливающих описываемую связь (*Не родит свинья бобра; От свиньи не водятся бобры*).

Кодовые единицы, таким образом, также используются для оценочной характеристики социального статуса, в большинстве – также при помощи двоичных параллельных конструкций (*Мать любит дитя, а кошка – котя*), а в случаях косвенного выражения статусов родителей и детей параллелизм может быть усилен за счет использования частиц с соответствующим значением в сочетании с указательными местоимениями (*Сова – и та своих совят хвалит: головастые да лунастые!; Слепой щенок и тот к матери ползет*).

2.2.1. Наиболее частотно при использовании зоонимов в представлении норм социальных отношений интерпретируются **нормы отношения родителей к детям**, в том числе нормы внимания, любви и заботы (*Свинья-мать, за свое детище на рожон лезет; И птица, высижив да выкормив птенца, его летать учит*), безусловного принятия (*И ворона воронят хвалит; Нет певчего для вороны супротив родного вороненка*), недопустимости негативного отношения к детям (*И змея своих детей не ест; Лих медведь, да своих детей не ест; Щебечет соловьюшко, забыв свои детки*).

Установление отношений между родителями и детьми при использовании номинаций животных и их детенышей, безусловно, как и при использовании единиц растительного кода, имеет природные основания, но в абсолютном большинстве рассматриваемых пословиц на уровне глубинной семантики выдвигаются общекультурно закрепленные семантические компоненты, отсылающие к негативному содержанию кодовых номинаций родителей как участников описываемых отношений, что подчеркивает недопустимость нарушения норм (*свинья, ворона, змея, медведь*¹; в том числе зооним *соловей/соловьюшко* используется в пословицах различных смысловых групп, в основном при характеристике человека, отличающегося несоответствием позитивной формы и негативного содержания: *Защелкал, засвистал, как курский соловей* («о том, кто много, «красиво», но несодержательно говорит»); *Запел соловьем, да свел на кукареку* («о том, кто начинает активно делать/говорить, но не завершает начатое»); *Поет, что соловушка, да пуста головушка* («о том, чьи положительные внешние качества не совпадают с внутренними») и др.

2.2.2. Также значительной по объему группой, как и в составе пословиц, интерпретирующих отношения детей и родителей при использовании растительного кода, являются пословицы, устанавливающие **нормативность**

¹ В приведенном выше примере зооним *птица* является в этом ряду исключением.

сходства детей с родителями, «наследование» качеств характера (*Не родит свинья бобра, а того же поросенка; Поповы дочери (детки) что голубые лошади: редкая удаются и др.*). В пословицах такого типа общекультурная кодовая семантика зоонимов проявляется наименее последовательно, в большинстве, как и в пословицах с использованием растительного кода, ведущую роль играет прямая отсылка к направленной природной связи, в данном случае – между животным и детенышем. Это подтверждается востребованностью использования в сочетании с зоонимом оценочных прилагательных (*От худой курицы худые яйца; От доброго коня добрый и жеребенок; И от доброго отца рождается бешеная овца*), за счет которых (а не за счет общекультурной кодовой семантики зоонимов) формируется отсылка к норме и транслируется оценка поведения участников отношений.

В результате можно отметить, что для реализации ГС пословиц, характеризующих нормативность сходства детей с родителями при использовании единиц растительного и зоологического кода, формируется **особый природный субкод**, устанавливающий соответствие между сходством природных объектов (растений и их частей, животных и их детенышей), находящихся в цепочке их жизненных циклов, и сходством детей и родителей. Как и при реализации растительного кода, семантика пословиц с зоонимами о преемственности качеств характера детей от родителей менее конкретна и менее разнообразна, чем семантика пословиц о нормах отношения родителей к детям.

2.3. В отличие от растительного кода, использование которого в пословицах о социальных отношениях практически ограничивается участием в семейном нормировании, зоологический код активно используется для интерпретации социально-статусных отношений **за пределами семьи**. Доля высказываний такого типа в составе пословиц с зоонимами составляет 54% (см. таблицу).

Социальные статусы, между которыми устанавливаются такие отношения, в интерпретации пословицы представлены более обобщенно, чем семейные, в силу отсутствия институционализированности (например, статусы мужа/жены в традиционном обществе закреплены прохождением свадебных ритуалов, совместным проживанием, рождением и воспитанием детей). Внеfamilialные типовые отношения членов пословичного социума, скорее, основаны на нормативном статусном противопоставлении по шкале социального доминирования: *Всякая мышь боится кошки; Лиса придет – и курица раскудахчется; Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* (кошка, лиса, волк – «социально доминирующий», мышь, курица, кобыла – «социально зависимый»).

В отличие от пословиц об отношениях в семье, в пословицах рассматриваемого типа статусы прямо не номинированы, но зоонимы, объединенные в пары, как раз и берут на себя функцию их косвенного обозначения и содержательного шкалирования. Основанием для такого использования зоонимов является их кодовое содержание, заданное на общекультурном

уровне, причем, как уже отмечалось, активность такого использования зоонимов определяет стабилизированный характер общекультурной кодовой семантики их парных соответствий: *кошка – мышь, лиса – курица, волк – кобыла*.

В отдельных случаях содержание статусов, распределенных на шкале социального доминирования, в ГС пословиц несколько уточняется: лидер/зависимый (*Плохо овцам, где волк воевода*), социально состоятельный¹ (в том числе ложно) / несостоятельный (*Баран по дворам, а овцы по подворьям; Куда один баран, туда и все стадо; Куда конь с копытом, туда и рак с клешней* – оценка подражателей авторитету, в том числе ложному) и др.

Отметим еще одно специфическое свойство пословиц о внесемейных отношениях, реализующих ГС при использовании зоологического кода. Если при характеристике семейных (как достаточно четко оформленных – институционализированных) социальных статусов оценка их обладателей с позиции нормы реализуется не последовательно (например, в пословицах *Муж без жены – что гусь без воды; Без матки пчелки – пропащие детки; От лося – лосята, от свиньи – поросята* и др. реализуются нормы отношений между мужем и женой, родителями и детьми, но участники этих отношений интерпретируются как оценочно нейтральные), то абсолютное большинство пословиц о внесемейных социальных отношениях основывается на реализации оценочной цели, и объектом оценки всегда является один из участников отношений: *Ловит волк, да ловят и волка* – в ГС реализуется негативная оценка агрессора, на которого найдется «добрая сила»; *Кузнец коня кует, а лягушка туда же лапу сует* – негативно оценивается бездумное подражание социально успешному; *С волками жить, по-волчьи выть* – объектом негативной оценки могут являться как тот, кто приспосабливается к аномативному коллективу, так и те, кто этот коллектив составляет. Зоонимы при этом берут на себя функцию фиксировать эту оценку на основании их общекультурной кодовой семантики.

3. **Вещный код** исследователи противопоставляют природному (включающему растительный и зоологический), и это противопоставление оказывает влияние на дифференциацию их функций. В.В. Красных, опираясь на работы В.Н. Телия, определяет вещный (предметный) код как «совокупность имен или их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода и приписываемые им свойства, и несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков 'языка культуры и лингвокультуры» [1. С. 62].

При интерпретации социальных отношений в пословице вещный код, как и зоологический, обладает достаточно высокой востребованностью (см. таблицу).

¹ Социальная состоятельность – «соответствие (или несоответствие) социальных качеств индивида общепринятым социальным стандартам» [39. С. 72].

При кодовом использовании номинаций бытовых предметов, в основном как и при использовании единиц растительного кода, интерпретируются родственные отношения (94% – см. таблицу), причем, в абсолютном большинстве **между мужем и женой** (86% – см. таблицу). Вероятно, это связано с тем, что наиболее значимой для организации этих отношений оказывается сфера быта, в качестве маркировки которой выступает предметный мир. Отношения «родители – дети» интерпретируются единично (не более 8% – см. таблицу).

Кодовая семантика номинаций вещей чаще всего основывается на переосмыслении их реальных функций в жизни человека (реже – их физических свойств: конфигурации, размера и др.), через которые задается аксиологическая ориентация интерпретируемых отношений.

ГС, фиксирующая норму социальных отношений, в пословицах с номинациями вещей оказывается более разнообразной, чем в пословицах с номинациями растений и животных. С одной стороны, это соответствует большему разнообразию используемых кодовых единиц – номинаций предметов, ПС которых фиксирует множество их функций в жизни человека и множество их физических свойств. С другой – номинации предметов в большинстве не обращаются в ГС к общекультурным кодовым смыслам вещей и транслируют кодовую семантику, в основном на уровне собственно пословичного контекста, что позволяет использовать одни и те же номинации для трансляции разной ГС, выдвигая в их ПС самые разные функции и свойства вещей (например, кодовая единица *сапог* использует такие характеристики номинируемого предмета, как возможность находиться отдельно от обладателя, временно не использоваться им – *Муж не сапог: не снимешь с ног*; финансовая стоимость – *Сапог лаптю не брат*; функция обуви – *Сапоги без ног – никуда*; функциональная парность – *Кулак да поп – два сапога пара* и др.).

Если при использовании для интерпретации социальных отношений растительного и зоологического кодов номинации растений и животных в основном используются для моделирования участников этих отношений, то номинации предметов моделируют, скорее, инструмент их взаимодействия. В связи с этим большинство пословиц получают сюжетную основу, включающую иносказательное описание типовой деятельности участников отношений, связанной с оперированием предметами, и ПС, отражающая характер оперирования ими, в ГС соответствует нормированию взаимодействия этих участников: *Муж в долгу, а жена в шелку*; *Грозила matka сыну ножом, а на ножке-то блин большой, а пасынку блинок дает, да ножиком сует*; *Лучше хлеб есть с водкою, чем жить со злою женою*.

Рассмотрим, как в пословицах, включающих единицы вещного кода, интерпретируются отношения «муж – жена» – как наиболее последовательно реализуемые; выявим особенности взаимодействия их ПС и ГС.

3.1. В большинстве пословиц о муже и жене они интерпретируются как **целостность**. Кодирование этой целостности осуществляется на основании отсылки к связи предметов, в реальности являющихся функционально парными или смежными (*Муж – за гуж, жена – за другой*; *Муж не башимак: с*

ноги не сбросишь; Жена не рукавица – за пояс не заткнешь, с белой ручки не стряхнешь), либо предметов, парность которых устанавливается в ПС пословицы в соответствии с ориентированностью на ее ГС (*Муж возом не навезет, что жена рукавом растрясет; Муж возом не навозит, что жена горшком наносит; Муж – за чарку, а жена – за палку*).

В ГС в первую очередь целостность мужа и жены фиксируется через распределение их функций, способствующих достижению общего результата (*Муж – полтину, а жена – холстину, все в одно место складут, так и хорошо живут; Муж молоти пшеницу, а жена пеки паленицы; Муж вези гуж, а жена шей рубашки*). Единицы вещного кода при этом участвуют в маркировке этих функций (например, *полтина* – «материальное обеспечение семьи», *холстина* – «обеспечение бытового благополучия семьи»).

Другим способом фиксации такого единства является обозначение на уровне ГС невозможности разделения мужа и жены, выражаемое на уровне ПС чаще через отрицание их идентификации со смежными, но разделяемыми предметами (*Муж не сапог: не снимешь с ног; Жена не сапог – с ноги не скинешь*), реже – через их идентификацию с предметами, искусственно соединенными, но в результате неразделимыми (*Муж да жена одним лыком вязаны; Муж с женой что мука с водой: сболтать сболтаешь, да не разболтаешь; Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится*).

3.2. Еще одним частотным объектом интерпретации при использовании вещного кода в пословицах такого типа является **идеал жены** (муж как отдельный объект оценки практически не выступает).

Если пословицы о целостности мужа и жены строятся как транслирующие норму, то высказывания данной группы представляют собой вербализацию прямой оценки роли жены в семейной паре, причем чаще всего фиксируются негативные качества – «антиидеал» (*Лучшие хлеб есть с водою, чем жить со злою женой; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Муж по деревням, а жена в ожерелье*), реже – позитивные (*Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи; Клад да жена – на счастливого; Муж возом не навозит, что жена горшком наносит*), единично позитивно оценивается само наличие жены для мужа (*Без жены как без шапки*).

Оценочная ГС большинства пословиц рассматриваемой подгруппы формируется на сопоставлении свойств и функций предметов, номинации которых получают кодовое содержание (*хлеб есть с водою, железо уваришь, жирные щи* и др.), с женой как объектом оценки.

Подведем итоги.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что функции вербальных кодов культуры – растительного, зоологического и вещного – в силу особенностей их структурно-содержательной организации при интерпретации социальных отношений в пословице различаются.

1. Каждый из рассмотренных типов вербального культурного кода преимущественно ориентирован на интерпретацию социальных отношений определенного типа, зафиксированных в ГС пословиц: растительный код –

на нормирование отношений «родители – дети», зоологический – на широкий спектр отношений, вещный – «муж – жена».

2. ПС единиц различных вербальных кодов культуры в ГС пословиц о социальных отношениях преимущественно устанавливает связь с разными аспектами этих отношений: единицы растительного и зоологического кода – в большинстве с их участниками, а единицы вещного кода – с инструментами их взаимодействия.

3. В ГС пословиц исследованного типа в кодовой семантике номинаций растений / их частей, зоонимов и номинаций предметов выдвигаются культурные смыслы разного уровня: в единицах растительного и вещного кодов – содержание жанрового субкода, в единицах зоологического кода – в большинстве случаев общекультурного, но в пословицах одного из содержательных типов (фиксирующих норму «наследования» черт характера детей от родителей) зоонимы также отсылают к особому жанровому субкоду, объединяющему их с номинациями растений / их частей.

4. Наиболее разнообразной является семантика пословиц о социальных отношениях «муж – жена», представляемых при использовании вещного кода, так как основанием для трансляции нормы в них являются широкий спектр функций предметов в жизни человека и множество их физических свойств.

Список источников

1. Красных В.В. Потяни за ниточку – клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2013. Вып. 46. С. 58–67.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистика исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
3. Толстая С.М. Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 109–113.
4. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
6. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во СПб. ун-та: Амфора, 2004. 312 с.
7. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993. 187 с.
8. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 257–296.
9. Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2016. 370 с.
10. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: Когниции и дискурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
11. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. М. : Индрик, 1995. 512 с.
12. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 26. М., 2004. С. 39–50.
13. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ван Х. «Швидкі ніженьки скували, білі рученьки зв'язали»: взаимодействие поверхностной и глубинной семантики текста лирической песни (формулы с соматизмами) // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 992–1006.

14. Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник материалов научно-практической конференции. М., 2005. Вып. 8. С. 22–41.
15. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. С. 232.
16. Телия В.Н. Послесловие // Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Лингвокультурологический комментарий. М., 2006. 764 с.
17. Абакумова О.Б. Растительный код культуры в пословицах о правде и лжи // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка : сборник трудов конференции, Москва, 5–6 апреля 2022 г. М., 2022. С. 57–61.
18. Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. М. : Ленанд, 2016. 328 с.
19. Ваганова Е.Н., Рогачев В.И. Мифопоэтика растительного кода в традиционной культуре мордовского народа // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 1. С. 57–71.
20. Рогачев В.И., Ваганова Е.Н., Мингазова Л.И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 439–445.
21. Акоюн В.Г. Взаимодействие культурных кодов с кодом естественного языка // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 2 (7). С. 71–75.
22. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
23. Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 592 с.
24. Опарина Е.О. 'Природное' и 'культурное' в русской фразеологии: Зооморфный код культуры как средство концептуализации «чувств-ощущений» и психологии человека // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2016. Вып. 53. С. 285–293.
25. Филиппова В.В., Филиппова С.В. Зооморфный код в фольклорных текстах (на примере якутских загадок) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 4 (30). С. 131–143.
26. Абукаева Л.А. Пищевой код культуры в текстах марийских молитв // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, № 1. С. 6–13.
27. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.
28. Абакумова О.Б. Культурные коды в английских пословицах о правде // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 319–323.
29. Абакумова О.Б. Коды культуры в семантике пословиц о правде // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 1 (15). С. 169–172.
30. Бабосов Е.М. Общая социология : учеб. пособие для студентов вузов. Минск : ТетраСистемс, 2004. 640 с.
31. Общая социология : учеб. пособие / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М. : ИНФРА-М, 2000. 654 с.
32. Мазалова Н.Е. Социальный статус «знающих» в традиционном русском обществе (по материалам Поволжья XIX – начала XX в.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 33–45.
33. Модорова Ай.Т.П. Социальные статусы человека в традиционном алтайском обществе // Макарьевские чтения : материалы XVII международной научно-практической конференции. Республика Алтай, Горно-Алтайск, 23–24 сентября 2022 г. Горно-Алтайск, 2022. С. 147–152.
34. Русские пословицы и поговорки : сборник / [сост.: Ф.М. Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин] ; под ред. [и с предисл.] В.П. Аникина. М. : Худож. лит., 1988. 431 с.
35. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 229 с.

36. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык, 1991. 534 с.
37. Зборовский Г.Е. Общая социология : учебник для студентов вузов. М. : Гардарики, 2004. 592 с.
38. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Прогресс, 1992. 272 с.
39. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). М. : Просвещение, 1990. 300 с.
40. Голиков Н.А. Социальные эффекты образования: реалии, прогнозы, перспективы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 71–75.

References

1. Krasnykh, V.V. (2013) Potyani za nitochku – klubok i razmotaetsya... (k voprosu o predmetnom kode kul'tury) [Pull the thread – the ball will unravel... (on the issue of the subject code of culture)]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 46. Moscow: MAKSS Press. pp. 58–67.
2. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvistika issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistics research]. Moscow: Indrik.
3. Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Codes of culture and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (2013) *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Theoretical issues]. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 109–113.
4. Bolotnova, N.S. (2009) *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. Moscow: Flinta: Nauka.
5. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran: Pilgrim.
6. Adon'eva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of Folklore]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Amfora.
7. Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Language Consciousness]. Moscow: Nauka.
8. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2005) *Tsennostnaya kartina mira traditsionnogo i sovremennogo fol'klora* [Value Picture of the World of Traditional and Modern Folklore]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 257–296.
9. Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic Text in Oral Personality-Oriented Discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyi fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. 2nd ed. Moscow: Indrik.
12. Gudkov, D.B. (2004) Edinitsy kodov kul'tury: problema semantiki [Units of cultural codes: the problem of semantics]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 26. Moscow: Maks Press. pp. 39–50.
13. Tubalova, I., Emer, J. & Wang Ghy. (2019) "Fast legs shackled, white hands tied": The Interaction of Surface and Deep Semantics of in Lyrical Songs (Somatic Formulae). *Quaestio Rossica*. 7 (3). pp. 992–1006. (In Russian).
14. Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii" [Semantics of folklore text and "knowledge of tradition"]. In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vol. 8. Moscow: [s.n.]. pp. 22–41.
15. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnolingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnolinguistics and Linguacultural Studies]. Moscow: Gnozis. P. 232.

16. Teliya, V.N. (2006) Posleslovie [Afterword]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Lingvokul'turologicheskii kommentarii* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Linguacultural commentary]. Moscow: AST-Press kniga.
17. Abakumova, O.B. (2022) [The plant code of culture in proverbs about truth and lies]. *Integrativnye i kross-kul'turnye podkhody k izucheniyu myshleniya i yazyka* [Integrative and Cross-Cultural Approaches to the Study of Thinking and Language]. Proceedings of the Conference. Moscow. 05–06 April 2022. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 57–61 (In Russian).
18. Tsiv'yan, T.V. (2016) *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [Model of the World and Its Linguistic Foundations]. Moscow: Lenand.
19. Vaganova, E.N. & Rogachev, V.I. (2022) Mifopoetika rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture mordovskogo naroda [Mythopoetics of the plant code in the traditional culture of the Mordovian people]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 1 (16). pp. 57–71.
20. Rogachev, V.I., Vaganova, E.N. & Mingazova, L.I. (2019) Funktsionirovanie rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture narodov Povolzh'ya (na primere fol'klora mordvyerzi i mokshi) [Functioning of the plant code in the traditional culture of the peoples of the Volga region (on the example of the folklore of the Mordvins-Erzya and Moksha)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 3 (13). pp. 439–445.
21. Akopyan, V.G. (2015) Vzaimodeystvie kul'turnykh kodov s kodom estestvennogo yazyka [Interaction of cultural codes with the code of natural language]. *Povolzhskiy pedagogicheskii vestnik*. 2 (7). pp. 71–75.
22. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik.
23. Orel, V.E. (2008) *Kul'tura, simvoly i zhivotnyy mir* [Culture, Symbols and the Animal World]. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
24. Oparina, E.O. (2016) 'Prirodnoe' i 'kul'turnoe' v russkoy frazeologii: Zoomorfnyy kod kul'tury kak sredstvo kontseptualizatsii "chuvstv-oshchushcheniy" i psikhologii cheloveka ['Natural' and 'cultural' in Russian phraseology: Zoomorphic code of culture as a means of conceptualizing "feelings-sensations" and human psychology]. In: Krasnykh, V.V. (ed.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 53. Moscow: MAKSS Press. pp. 285–293.
25. Filippova, V.V. & Filippova, S.V. (2022) Zoomorfnyy kod v fol'klornykh tekstakh (na primere yakutskikh zagadok) [Zoomorphic code in folklore texts (based on Yakut riddles)]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 4 (30). pp. 131–143.
26. Abukaeva, L.A. (2024) Pishchevoy kod kul'tury v tekstakh mariyskikh molitv [Food code of culture in the texts of Mari prayers]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 1 (18). pp. 6–13.
27. Kapelyushnik, E.V. (2012) *Kulinarnyy kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka* [Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Toms.
28. Abakumova, O.B. (2015) Kul'turnye kody v angliyskikh poslovitsakh o pravde [Cultural codes in English proverbs about truth]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. Lobachevskogo*. 2 (2). pp. 319–323.
29. Abakumova, O.B. (2011) Kody kul'tury v semantike poslovits o pravde [Cultural codes in the semantics of proverbs about truth]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (15). pp. 169–172.
30. Babosov, E.M. (2004) *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Minsk: TetraSistems.
31. Efendiev, A.G. (ed.) (2000) *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Moscow: INFRA-M.

32. Mazalova, N.E. (2016) Sotsial'nyy status "znayushchikh" v traditsionnom russskom obshchestve (po materialam Povolzh'ya XIX – nachala XX v.) [Social status of "those in the know" in traditional Russian society (based on materials from the Volga region in the 19th – early 20th centuries)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 2 (38). pp. 33–45.

33. Modorova, Ay-T.P. (2022) [Social statuses of a person in traditional Altai society]. *Makar'evskie chteniya* [Makaryev Readings]. Proceedings of the 17th International Conference. Gorno-Altaysk. 23–24 September 2022. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 147–152 (In Russian).

34. Anikin, V.P. (1988) *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

35. Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: USSR AS.

36. Zhukov, V.P. (1991) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow: Russkiy yazyk.

37. Zborovskiy, G.E. (2004) *Obshchaya sotsiologiya* [General Sociology]. Moscow: Gardariki.

38. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Progress.

39. Arnol'd, I.V. (1990) *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (Stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of Modern English (Decoding stylistics)]. Moscow: Prosveshchenie.

40. Golikov, N.A. (2012) Sotsial'nye efekty obrazovaniya: realii, prognozy, perspektivy [Social effects of education: realities, forecasts, prospects]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11. pp. 71–75.

Информация об авторах:

Тубалова И.В. – д-р филол. наук, декан филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tina09@inbox.ru

Салми А.И. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ассистент кафедры русского языка Айн Шамского университета (Каир, Египет). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Tubalova, Dr. Sci (Philology), dean, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

A.I. Salmi, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); teaching assistant, Ain Shams University (Cairo, Egypt). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2024;
одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 18.11.2024.*